Система прав и свобод человека в условиях технологической революции

НИКИТИНА Елена Евгеньевна, ведущий научный сотрудник отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: const@izak.ru

Рассматриваются проблемы, связанные с развитием системы прав человека в Российской Федерации в период широкого использования новых технологий, которые помимо позитивного влияния, подразумевающего увеличение производительности труда, укрепление экономики, повышения уровня и качества жизни человека, несут существенные угрозы человеческой личности, ее достоинству и правам.

Автор исследует возможные формы трансформации системы прав человека для решения проблем регулирования тех областей человеческой деятельности, на которые оказывают наиболее сильное влияние современные технологии. Развитие современной системы прав происходит в нескольких формах: дополнение перечня прав новым правом человека, расширение содержания отдельного права человека, повышение правовых и материальных гарантий его реализации.

Права человека имеют существенный потенциал для трансформации их содержания и охвата ими новых общественных отношений, поскольку имеют широкую формулировку. Более того, с учетом особенностей правовой конструкции прав человека, которые представляют собой не только субъективные права, но и нормы-принципы, они могут регулировать новые сферы человеческой деятельности.

В статье сделан вывод о необоснованности предположения о наступлении эры прав нового поколения, включающих различные соматические, генетические, информационные, цифровые, виртуальные и другие права. В то же время очевидно, что некоторые такие права уже формируются и набирают силу для их международного признания и включения в национальное законодательство. В настоящий период содержание прав человека, которые должны действовать в новых сферах деятельности человека, онтологически связано с фундаментальными основами прав человека — свободой и равенством. Это означает, что защищаемые новыми правами интересы личности являются конкретными проявлениями, органической частью уже сложившихся базовых ценностей.

Ключевые слова: система прав человека, поколения прав человека, информационные права, геномика, биотехнологии, генные права.

Для цитирования: Никитина Е. Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 27—44. DOI: 10.12737/jrl.2020.092

В последние десятилетия ускорился темп изменений условий существования человека, меняются отношения с природой, внутри общества, с государством. Все это влияет на право, краеугольным камнем которого обоснованно является система прав человека¹. Но особенно

сильное воздействие на систему прав человека оказывают развитие и использование современных технологий. Существенные изменения в общественные отношения несут новые информационные, в том числе информационно-коммуникацион-

¹ О правовой тождественности указанных систем см.: *Варламова Н. В.* Принципы

пиальное единство права и прав человека // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 83—124.

ные, технологии, которые нашли применение во всех сферах человеческой жизни и преобразили всю социальную сферу общества. Необходимо научное осознание влияния нейробиотехнологий, геномных и других биотехнологий на природу человека и взвешенная оценка возможных последствий их широкого внедрения в повседневную жизнь для будущего социального порядка. Развитие робототехники и создание искусственного интеллекта, формализация его взаимоотношения с человеком непосредственным образом меняют социальную действительность. Технологические изменения происходят столь быстро и меняют среду обитания человека настолько кардинально, что в отношении рассматриваемых процессов употребляется термин «технологическая революция».

Острота проблемы влияния новых технологий на права человека привела к ее широкому обсуждению в правовой литературе. Первостепенное внимание уделяется воздействию информационных технологий². Но в последнее время усилился интерес и к вопросам развития прав

человека в условиях широкого использования геномных технологий³. В связи с этим важно исследовать регулятивный потенциал действующей системы прав человека⁴ и возможные правовые формы и направления ее трансформации.

Создание и использование новых технологий оказывают двойственное влияние на права человека⁵. Техническое и технологическое развитие позволяет увеличить производительность труда, что влечет укрепление экономики, повышение уровня жизни; широкое использование новых медицинских и биотехнологий повышает качество и продолжительность жизни; появление «умных» вещей освобождает время для отдыха и творчества — все это создает предпосылки для повышения гарантий реализации прав человека, расширения их содержания.

В то же время изменение среды обитания человека неизбежно влечет появление новых угроз для реализации прав человека. Предсказывая наступление так называемой четвертой промышленной революции, известный ее сторонник К. Шваб предупреждает: «Разви-

² См., например: Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 122—146; Талапина Э. В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 41—54; Sartor G. Human Rights and Information Technologies // The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology / ed. by R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. New York, 2017. P. 424—450; Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 9—46; Довгань Е. Ф. Права человека в эпоху информационных технологий // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 109—125; Coccoli J. The Challenges of new technologies in the implementation of human rights: An analysis of some critical issues in the digital era, peace human rights governance // Peace human rights governance (PHRG). Venice, 2017. Vol. 1. No. 2. P. 223—250.

³ См.: Kshitij Kumar Singh. Human Genome and Human Rights: An Overview // Journal of Indian Law Institute (JILI). Vol. 50. No. 1 (Jan-Mar). 2008. P. 67—80; Кнопперс Б. М. Генетика, геномика и права человека // Судья. 2017. № 12. С. 26—31.

⁴ Отметим, что понятие «система прав человека» как некой совокупности, целостности общепризнанных прав и свобод человека и гражданина условно. В литературе, как правило, употребляются термины «каталог» или «перечень» прав и свобод человека и гражданина. Однако для целей данного исследования объектом является именно система прав человека как совокупность взаимосвязанных элементов, образующая определенную целостность.

⁵ См.: Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25—42.

тие и внедрение новейших технологий связаны с неопределенностью и означают, что мы пока не имеем представления, как в дальнейшем будут развиваться преобразования, обусловленные этой промышленной революцией. Сам факт их сложности и взаимозависимости по всем секторам предполагает ответственность всех участников глобального сообщества — правительств, бизнеса, научного мира и общественности — за работу в тесном взаимодействии друг с другом, необходимом для лучшего осознания формирующихся тенденций»⁶. В научной литературе появилось множество работ, в которых формулируется постоянно расширяющийся перечень выявленных угроз правам человека, которые несет технологическая революция. Например, развитие информационных технологий, по мнению Дж. Сартора, может привести к ряду неблагоприятных последствий. Автор выделяет более десятка основных угроз правам человека⁷, ставших следствием развития информационных технологий, среди которых:

1) безработица, отчуждение человека от социума. Это возможно,

⁶ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017.

⁷ Последствиями широкого использования информационных технологий в том числе могут стать: виртуальное подтачивание, когда системы могут предвидеть поведение и предоставлять информацию и предложения, которые вызывают предсказуемые ответы в отношении покупки или потребления; виртуальные ограничения; постоянное наблюдение, информационные технологии сделали наблюдение за человеком намного проще, дешевле и точнее как для государственных органов, так и для частных лиц; социальная изоляция, когда люди могут потерять контакт с социальной средой; потеря социальной нормативности, что означает состояние, когда люди больше не могут ощущать себя в качестве члена сообщества, регулируемого нормами, или носителя оправданных моральных прав и обязанностей.

поскольку производительность машин намного выше и те, кто проиграл «гонку против машины», могут быть лишены достойного источника жизни;

2) неравенство, так как спрос на высокооплачиваемые рабочие места, требующие творчества и навыков, которые не могут быть заменены машинами, может удовлетворяться только высококлассными специалистами. Этот процесс способствует усилению расхождений в доходах между более образованными и способными работниками и их менее квалифицированными коллегами. Наконец, неравенство может усугубляться различием возможностей в получении информации. В частности, несколько крупных интернет-игроков (таких как Google и Facebook) сегодня контролируют огромное количество данных, собираемых из виртуальных и физических пространств. Эти данные остаются недоступными не только для отдельных лиц, но и для правительств государств и небольших операторов, которые, соответственно, находятся в невыгодном положении;

3) дискриминация, поскольку информация, хранящаяся в компьютерных системах, может использоваться для разграничения между людьми путем классификации их на типы без учета их реальной идентичности или определенных характеристик, с тем чтобы подвергать их дифференцированному обращению в отношении работы, доступа к бизнесу, социальным возможностям и др.;

4) цензура, так как информационные технологии можно использовать для отслеживания и устранения нежелательного контента, а также для идентификации тех, кто участвует в его создании и распространении;

5) автоматическая оценка поведения человека, когда решение принимается на основании информации, неизвестной человеку и оцениваемой по неполным критериям;

б) создание кибероружия и ведение гибридных войн, в том числе кибервойн⁸.

В целом этот список может быть расширен. Не меньший перечень угроз правам человека составляется и для неконтролируемого использования биотехнологий. Высказываются опасения относительно возможности будущего социального порядка, в котором к людям будут относиться в зависимости от их готовности или способности платить за улучшение своего генома или генома детей, что приведет к дискриминации⁹. Применение технологии геномного редактирования в отношении эмбриона человека не обладает достаточной эффективностью и специфичностью, чтобы полностью гарантировать безопасность. Мутации, возникающие в нецелевых локусах хромосом вследствие введения редактирующих конструкций, могут влиять на организм ребенка и передаваться из поколения в поколение, а их эффекты не всегда будут доброкачественными, предсказуемыми или обратимыми¹⁰. До конца не изучены возможные последствия для человека и его потомства от использования биоматериалов, полученных от гуманизированных моделей — трансгенных животных, содержащих функционирующие гены, клетки, ткани или иные орга-

ноиды человеческого организма¹¹, от длительного использования в пищу трансгенных растений и животных¹².

Революционное развитие технологий имеет такую скорость, что общество не успевает осознать степень и широту их влияния на общественные отношения. Это порождает множество этических, правовых, социальных и культурных проблем. Разрыв между появлением и дальнейшим усовершенствованием новейших технологий и темпами социальных изменений продолжает углубляться, что является проблемой для нахождения консенсусных социальных норм, оценки их обществом и формулирования их в качестве норм законодательства. В этих условиях сложно выработать эффективное правовое регулирование возникающих общественных отношений. При этом необходимо соблюдать баланс между определенной широтой границ регулирования для свободного развития технологий и обеспечивающих их научных исследований и нормативным закреплением ограничений и запретов для предотвращения рисков и угроз человеческой личности, ее достоинству и правам. Система прав человека служит таким правовым механизмом, поскольку она обладает возможностью предложить правовые подходы для регулирования использования новых технологий с учетом традиционных ценностей признания достоинства человеческой личности и ее прав.

Важнейшим свойством системы прав человека является ее дина-

⁸ Подробнее см.: Довгань Е. Ф. Указ. соч.

⁹ В данном случае речь идет о геномной дискриминации, но появляется опасение появления и иных видов дискриминации, в частности эпигенетической. См.: Dupras C., Song L., Saulnier K. M., Joly Y. Epigenetic Discrimination: Emerging Applications of Epigenetics Pointing to the Limitations of Policies Against Genetic Discrimination. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fgene.2018.00202/full> (дата обращения: 31.01.2020).

¹⁰ См.: Мохов А. А., Чапленко А. А., Яворский А. Н. Использование технологий геномного редактирования: достижения и перспективы // Биомедицина. 2019. № 15 (2). С. 38.

¹¹ См.: Колоскова Е. М., Каркищенко В. Н., Езерский В. А. и др. Трансгенные и нокаутные кролики в биомедицине и генотерапии. CRISPR/Cas9-технологии // Биомедицина. 2019. № 4. С. 12—33.

¹² См.: Зиновьева Н. А., Волкова Н. А., Багиров В. А., Брем Г. Трансгенные сельскохозяйственные животные: современное состояние исследований и перспективы // Экологическая генетика. 2015. Т. XIII. № 2. С. 58—76.

мизм. Жизнеспособность и непреходящее значение традиции прав человека зависят от того, в какой степени она может отвечать новым потребностям и удовлетворять озабоченность, которой занято большинство народов мира¹³. Это качество предполагает непрекращающееся развитие системы. Как правило, оно происходит в нескольких формах: дополнение перечня прав человека, расширение содержания конкретного права человека, повышение правовых и материальных гарантий его реализации. Но если проанализировать скорость и объем изменений прав человека в большинстве европейских конституций, то можно заметить, что перечень прав и свобод человека остается традиционным, конституционное закрепление новых прав человека появляется редко. Это свидетельствует о консервативности системы прав человека. Еще одной характерной особенностью прав человека является значительный регуляторный потенциал, заложенный в общих формулах прав человека. Относительная широкая формулировка прав человека не исключает, а объясняет конкретную роль прав человека в правовом регулировании новых технологий: они выступают в качестве основ для регулирования, указывая цели, которые должны быть достигнуты, ущерб, который необходимо предотвратить, и механизм, который может правомерно ограничить некоторые права в соответствии с определенными правилами ограничений прав, закрепленных в международно-правовых актах и судебной практике¹⁴.

Права человека имеют абстрактную формулировку, что позволяет использовать конструкцию права

человека в двух аспектах: «Эти положения значимы не только в плане проблем индивидуальной правоспособности и правосубъектности, но в качестве исходных правовых начал имеют одновременное и всеобщее регулятивное значение и выступают как общеобязательный правовой стандарт и конституционное требование к правовому качеству официальных нормативных актов, к организации и деятельности всех ветвей государственной власти и должностных лиц»¹⁵. Права человека можно рассматривать как нормы-правила и нормы-принципы, на которые обращает внимание Р. Алекси: «Решающим моментом отличия правил от принципов является то, что принципы — это нормы, которые требуют, чтобы что-то было реализовано в максимально возможной степени с учетом их правовых и фактических возможностей. Принципы — это предписания оптимизации (*optimization requirement*), характеризующиеся тем, что они могут быть удовлетворены в различной степени и что соответствующая степень удовлетворения зависит не только от того, что фактически возможно, но также и от того, что юридически возможно»¹⁶. То есть правила — это нормы права, которые содержат конкретные предписания, а принципы устанавливают наиболее общие и фундаментальные основы, ценности и права, которые «сдерживают» или «направляют» публичную власть¹⁷.

Таким образом, система прав человека служит основой для регулирования новых сфер деятельности человека.

¹⁵ Нерсисянц В. С. Философия права. М., 2004. С. 378.

¹⁶ Alexy R. A. *Theory of Constitutional Rights*. Oxford, 2002. P. 47—48.

¹⁷ См.: Енилеева А. Э. Деление норм права на правила и принципы в учении Р. Алекси // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. С. 26—33.

¹³ См.: Alston Ph. A Third Generation of Solidarity Rights: Progressive Development or Obfuscation of International Human Rights Law? // *Netherlands International Law Review*. 1982. Vol. 29. P. 314.

¹⁴ См.: Sartor G. *Op. cit.* P. 435.

В силу принципа единства системы прав человека, при котором выделение отдельного права носит условный характер, названные угрозы представляют опасность для всех прав человека. Поэтому изменения, опосредованные использованием современных технологий, касаются всей системы. Но механизм и последствия такой трансформации могут различаться для отдельных прав человека.

В российской литературе можно найти исследования в области теории возникновения новых прав человека. В частности, Н. А. Богданова определяет следующие способы пополнения перечня прав человека в Российской Федерации¹⁸:

1) расширение содержания существующих в национальном каталоге прав личности, которое может происходить путем: а) повышения стандартов реализации права при изменении национального законодательства; б) заключения международно-правовых договоров, включающих более высокие стандарты реализации; в) толкования содержания конституционных норм Конституционным Судом РФ; г) использования практики Европейского суда по правам человека;

2) вызревание новых прав, достойных конституционного уровня признания, из закрепленных в текущем законодательстве прав;

3) актуальные потребности человека.

К последнему случаю Н. А. Богданова относит и новые права человека, которые вызваны научно-техническим прогрессом.

Представляется, что данная схема изменения системы прав человека требует уточнения. В случае расширения содержания существующих прав человека вряд ли воз-

можно утверждать о появлении нового права, речь идет о включении регулирования дополнительных правоотношений указанным правом или о расширении субъектного состава правоотношений или появлении дополнительных процедур реализации. Но право остается тем же самым¹⁹.

Возможно, указанные условия для пополнения списка прав могут выступать различными этапами формирования конкретного нового права. В этом случае логика развития нового права человека будет выглядеть следующим образом: появление новых общественных отношений, их фрагментарное регулирование в текущем законодательстве, в существующих правовых формах и процедурах; их дальнейшее развитие, в том числе в практике судов, в формировании международно-правовых стандартов регулирования; закрепление нового права в конституции.

В зарубежной литературе выделяют три стадии процесса призна-

¹⁹ В то же время в указанном случае мы сталкиваемся с проблемой, заключающейся в неопределенности категориального аппарата теории прав человека. Она заключается в одинаковом наименовании отдельного права и части его содержания. В литературе существует разное наименование конкретных прав, которые составляют содержание права человека. В гражданском праве часть содержания конкретного права рассматривается как отдельное правомочие. В конституционном праве существует различная практика. Например, Д. А. Малый под правом на объединение понимает совокупность прав: право создавать объединение, вступать в объединение и пребывать (участвовать) в объединении, а также права воздерживаться от вступления в объединение и выходить из объединения (см.: *Малый Д. А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации: вопросы теории и практики*. СПб., 2003. С. 20). То есть в этом случае расширение содержания отдельного права человека можно понимать как появление нового производного права.

¹⁸ См.: Богданова Н. А. Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 1. С. 41—57.

ния и формирования нового права человека: осознание проблемы и выявление соответствующих потребностей; трансформация некоторых из этих потребностей в конкретные юридические нормы; разработка инструментов, обеспечивающих реализацию этих норм²⁰. При этом подчеркивается, что последние два этапа смешиваются при реализации, что влияет на понимание завершенности (незавершенности) процесса формирования нового права.

Первоначально появляется актуальная проблема, в рассматриваемом случае — возникновение новых угроз достоинству личности и правам человека в связи с развитием и внедрением новейших технологий. Регулятивное нормирование происходит не сразу, поскольку необходимо точно определить масштабы и серьезность угроз. К примеру, в зарубежной литературе активно исследуется вопрос о генетической дискриминации, или генетической исключительности, когда статус человека чрезмерно зависит или подвергается ущемлению на основании фактических или предполагаемых генетических характеристик²¹. Генетическая дискриминация может затрагивать сферу трудовой занятости человека, отмечаются проблемы со страховыми полисами и трудности с агентствами по усыновлению. Но насколько актуальна эта проблема для конкретного государства? На недопустимость такого вида дискриминации указано в международных документах²², в не-

которых странах уже приняты соответствующие акты, запрещающие генетическую дискриминацию²³, но пока нет достаточных эмпирических данных о масштабах ее распространения и реальной угрозе правам человека²⁴. Это не означает отсутствие опасности для прав человека, но недостаточность данных не позволяет выработать эффективные регулирующие механизмы в национальной правовой системе, т. е. оценить уровень и методы регулирования (введение запретов, ограничений, мер ответственности и т. д.). Это значит, что для конкретной национальной системы необходимо решить проблему соотношения прогностического регулирования (т. е. определения вектора развития общественных отношений, поскольку право должно работать на опережение для предотвращения рисков и угроз человеческой личности, ее достоинству и правам) с реальными отношениями (поскольку право может регулировать лишь те отношения, которые уже возникли и существуют).

менением достижений биологии и медицины 1996 г. (ст. 11); Всеобщую декларацию о геноме человека и правах человека 1997 г. (ст. 6).

²³ Genetic Non-Discrimination Act (GNA) (2017) в Канаде, The Genetic Information Nondiscrimination Act (GINA) (2008) в США и др.

²⁴ В 2013 г. команда во главе с Я. Джоли (Университет Макгилла) представила результаты систематического обзора доказательств по этому вопросу, опубликованных в период с 1991 по 2012 г. Из 33 рассмотренных эмпирических исследований в 14 (42%) из них сделан вывод, что генетическая дискриминация действительно существует, а высказанные опасения законны; в 16 (48%) указано, что генетическая дискриминация встречается относительно редко и фактическое влияние на доступ к страхованию очень мало, а в 3 (9%) исследованиях не обнаружено никаких признаков генетической дискриминации. См.: Joly Y., Dupras C., Ngueng Feze I., Song L. Op. cit. С. 9.

²⁰ См.: Alston Ph. A Third Generation of Solidarity Rights... P. 307, 315—316.

²¹ См.: Joly Y., Dupras C., Ngueng Feze I., Song L. Genetic discrimination in Québec. Centre of Genomics and Policy (CGP). Montreal, 2017. URL: genomequebec.com/DATA/PUBLICATION/32_en~v-Genetic_Discrimination_in_Quebec_-_Policy_Brie (дата обращения: 10.06.2019).

²² См., например, Конвенцию о защите прав и достоинства человека в связи с при-

Не менее важной задачей является определение подходов и методов регулирования. На начальном этапе развиваются нормативные, но не правовые сферы регулирования новых отношений, к которым относятся выработка этических норм и их закрепление в актах различных профессиональных сообществ. Например, нормы биоэтики чрезвычайно важны для формирования регулирования геномных исследований. Содержание понятия биоэтики заключается в определении подходов и меры возможного искусственного вмешательства в природу человека, без принципиального изменения ее сущности. Развивается и такая нормативная область, как киберэтика, или этика Интернета, в которой основным субъектом отношений выступает виртуальная личность, обладающая по сравнению с реальным человеком рядом особенностей: во-первых, виртуальная личность представлена символически — в основном текстами; во-вторых, она многолика и имеет возможность примерять разные идентичности; в-третьих, она анонимна²⁵. В сферу киберэтики могут включаться следующие действия: распространение недостоверных сведений и слухов (фейки); преследования и оскорбления посредством Интернета (кибербуллинг или киберсталкинг); киберсквоттинг — регистрация веб-сайтов с целью последующей перепродажи или создания «клонов» других сайтов и др. Право как регулятивная форма и нормативная система формируется в результате тех социальных отношений, которые имеют выраженную структурную форму. Этическая — более гибкая форма, которая может

приспосабливаться к быстро меняющимся условиям. Поэтому этические нормы формируются быстрее и часто служат основой для формирования правовых норм.

Еще одним источником первоначального формирования нового права человека, в частности в области новых технологий, являются нормы саморегулирования профессионального сообщества, которое выработало и придерживается в своей сфере установленных правил (например, проводит определенную политику, издает соответствующие кодексы) для решения проблем в определенных областях. Этот подход, как и нормы этики, является гибким и может служить источником обязательств для лиц, вступающих в соответствующие отношения, и сообществ, профессиональных организаций. Вырабатываемые нормы также легко модифицируются для новых типов регулирования или для вновь возникающих отношений. Касательно информационных технологий можно указать на различные кодексы работы в Интернете, например на Кодекс этической деятельности (работы) в сети Интернет (Кодекс добросовестных практик), разработанный Роскомнадзором²⁶, который был принят в том числе для снижения рисков, связанных с неосведомленностью всех заинтересованных лиц об угрозах вмешательства в частную жизнь, о требованиях законодательства Российской Федерации, о рекомендациях и стандартах профессиональных объединений и лучших практиках по защите прав и свобод гражданина как субъекта персональных данных.

Развитие правового регулирования новых сфер общественных отношений всегда начинается с включения регулирования отдельных вопросов, которые возникают в процессе деятельности, в существующий массив нормативных пра-

²⁵ См.: Войскунский А. Е., Дорохова О. А. Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы. URL: https://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1418382653&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 10.02.2020).

²⁶ URL: <https://pd.rkn.gov.ru/code/> (дата обращения: 11.02.2020).

вовых актов. Как справедливо отмечает Дж. Сартор²⁷, законодательные органы стремятся осуществить стратегию социального переустройства через точечные поправки. Изменения сосредоточены на конкретных целях, в определенных областях, на технологиях или на сферах их применения. Это экспериментальная деятельность, т. е. используются точечные настройки и перенастройки, которые могут постоянно корректироваться²⁸, принимая во внимание возможные негативные последствия такой деятельности.

Затем наступает период формирования полноценного регулирования отношений в новой области деятельности человека и возникает вопрос о формулировании и признании в законодательстве нового права. Этот процесс продолжительный по времени. Появление нового права человека должно иметь объективные причины: невозможность защиты достоинства личности и ее прав существующими правовыми инструментами. В системе прав человека имеется широкий спектр устоявшихся средств, которые позволяют достаточно успешно осуществлять защиту новых прав человека. В научной литературе конца XX в. можно найти хорошо разработанную теорию признания новых прав человека. Это связано с реализацией права народов на самоопределение, концом колониальной системы и появлением большого количества новых независимых государств. Например, в работе Ф. Алстона перечисляются условия, которые должны быть соблюдены при формулировании новых прав: 1) такие новые подходы совместимы и не обесценивают существующие права; 2) желаемый результат не может быть достигнут путем постепенного развития существующих норм; 3) применяемый подход и терминология соответствуют

различным требованиям традиции прав человека²⁹. Автором разработаны и более детальные критерии, которые позволяют квалифицировать требование как право человека с точки зрения международного права. По его мнению, предлагаемое новое право человека должно: отражать принципиально важную социальную ценность; иметь отношение, пусть и в разной степени, к разнообразным системам ценностей; иметь право на признание на том основании, что это является толкованием обязательств по Уставу ООН, отражением норм обычного права или формулировкой, декларирующей общие принципы права; соответствовать, а не просто повторять существующий свод международного права в области прав человека; быть способным достичь очень высокой степени международного консенсуса; быть совместимым или по крайней мере явно не несовместимым с общей практикой государств; быть достаточно точным, чтобы привести к определению прав и обязанностей³⁰.

Отметим, что перечень таких критериев достаточно длинный. Однако при практическом применении сложно оценить соответствие конкретного права предложенному перечню. В этом случае наиболее объективным судьей выступает практическая потребность в защите определенных человеческих ценностей. Факт формулирования и законодательного признания нового права человека, в том числе на международном уровне, не является панацеей соблюдения прав человека в соответствующей области общественных отношений. Существуют небезосновательные опасения, что принятие некоторого коли-

²⁹ См.: *Alston Ph. A Third Generation of Solidarity Rights...* P. 321.

³⁰ См.: *Alston Ph. Conjuring Up New Human Rights: A Proposal For Quality Control // American Journal of International Law. 1984. Vol. 78. Iss. 3. P. 614—615.*

²⁷ См.: *Sartor G. Op. cit.* P. 434.

²⁸ Ibid.

чества новых прав человека девальвируют систему прав человека. Еще в 1969 г. известный американский специалист по международному праву Ч. Билдер в ответ на значительное расширение списка новых прав человека, связанных с появлением прав человека «третьего поколения — коллективных прав солидарности», предупреждал:

1) если права человека являются синонимами всего спектра социальных и экономических нужд, их полезность в качестве концепции прав человека может быть искажена;

2) если список прав будет расширен, чтобы включить требования, которые в настоящее время не могут быть реально обеспечены и которые не могут быть объективно отражены юридическими средствами, это может привести к нереалистичным ожиданиям населения, приданию идее прав человека значения утопической, что снимет с государств реальные обязательства по правам человека; и

3) поскольку признание новых прав отражает давление и случайности внутренней политики ООН, а не широко распространенные и значительные требования населения, возникают вопросы относительно общего признания и значимости международных прав человека в мире разнообразных систем ценностей³¹.

Относительно формирования новых прав необходимо отметить³², что современная тенденция развития системы прав человека за последние десятилетия изменилась. Определяющим направлением является не «экстенсивное развитие», т. е. номинальное увеличение перечня прав человека, а «интен-

сивное развитие» — трансформация системы прав человека, посредством которой расширяется сфера общественных отношений, защищаемых уже действующими правами человека³³.

В то же время сформулированные полвека назад научные выводы не потеряли актуальность. Особенно важным представляется предостережение относительно смешения социальных и экономических нужд человека и прав человека. Они представляют собой не взаимоисключающие, но разнопорядковые явления с различной природой. Смешение рассматриваемых явлений, по мнению Н. В. Варламовой³⁴, приведет к неопределенности и беспредельности притязаний, которые могут быть признаны правами человека. Автор справедливо солидаризируется в этом вопросе с мнением Б. Мелкевика, который обращает внимание на отсутствие объективной связи между любой человеческой деятельностью и соответствующим «правом» на нее, иронично замечая, что «если существует необходимость питаться, в таком случае существует и зеркальное право на питание»³⁵.

³³ Характерным примером может служить ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в которой установлено право на уважение частной и семейной жизни. В настоящее время в результате практики доктринального толкования Европейского суда по правам человека эта норма защищает любое ущемление личного выбора как потенциальное нарушение права на неприкосновенность частной жизни человека, в том числе защиту персональных данных.

³⁴ См.: Варламова Н. В. Принципиальное единство права и прав человека // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 96.

³⁵ Мелкевик Б. Говорите на языке «нового нарратива о праве», или О том, как политкорректность «юридически» узаконивает себя // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 1. С. 38.

³¹ См.: Alston Ph. A Third Generation of Solidarity Rights... P. 315.

³² В научной литературе можно встретить такую позицию. См., например: Биомедицинское право в России и за рубежом: монография / Г. Б. Романовский, Н. Н. Тарусина, А. А. Мохов и др. М., 2015. (Введение).

Вместе с тем очевидно, что некоторые новые права формируются, уточняются их будущие правовые контуры для международного признания и включения в национальное законодательство. Но делать выводы о наступлении новой эры прав четвертого/пятого поколений³⁶, включающих различные соматические, генетические, информационные, цифровые, виртуальные и другие права, связанные с развитием современных технологий, еще рано.

Многие исследователи сомневаются в существовании прав третьего поколения³⁷. Действительно сложно однозначно согласиться с тем, что права на мир, развитие, благоприятную окружающую среду, самоопределение, распоряжение своими естественными богатствами и ресурсами, общее наследие человечества, достойный уровень жизни стали ценностями, имеющими эффективную правовую защиту. До сих пор не прекращаются споры об отнесении прав солидарности к традиционным правам человека, несмотря на их признание международными организациями и многими государствами. В этом вопросе убедительны сторонники, высказывающие более осторожные взгляды, полагающие, что процесс развивается, но окончательная стадия признания указанных ценностей правами человека еще не наступила. Таким образом, формирование новых прав человека, в том числе в сфере технологий, — процесс достаточно сложный, нуждающийся в последовательном про-

хождении нескольких этапов «вызревания».

Кроме того, встает вопрос об отнесении указанных прав к новому поколению, поскольку невозможно выделить критерий их отличия (кроме хронологического) от иных прав человека. Общепринято, что различие между группами прав человека первого и второго поколений проводится по характеру обязательств по их обеспечению. Как представляется, такой критерий не может применяться к последующим поколениям прав человека. Возможно, развитие системы прав человека и отсутствие объективного критерия для выделения последовательных поколений прав человека доказывает ошибочность указанной теории прав человека.

Развитие информационно-коммуникационных технологий ставит вопрос о необходимости защиты прав человека в виртуальной среде. Утверждается о появлении новых фундаментальных цифровых прав: права на доступ в Интернет, права на забвение, права на «цифровую смерть» и др.³⁸ Базовым правом принято считать право на доступ в Интернет. Наиболее полно его содержание и связанные с ним права раскрываются в Хартии прав человека и принципов для Интернета. Этот документ разработан Динамической коалицией по правам и принципам в Интернете Форума IGF, действующего с 2006 г. по мандату ООН. Помимо указанного права, в него включены: право на недискриминацию в доступе к Интернету, его использованию и управлении, право на свободу и безопасность в Интернете, право на развитие через Интернет, право на свободу выражения и свободу информации в Интернете, право на свободу религии в Интернете, свободу собраний и объедине-

³⁶ См., например: Умнова (Конюхова) И. А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия: монография. М., 2016. С. 360; Лебедев В. А. Конституционные права и свободы человека и гражданина в современной России: концепция, ограничения, механизм охраны и защиты: монография. М., 2016. С. 18—19.

³⁷ См.: Варламова Н. В. Третье поколение прав человека? // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 9—18.

³⁸ См.: Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 8; Cocoli J. Op. cit. P. 242.

ний онлайн, право на конфиденциальность в Интернете, право на защиту цифровых данных, право на образование в Интернете, право на доступ к культурным ценностям и знаниям в Интернете, права детей в Интернете, права людей с ограниченными возможностями в Интернете, право на работу в Интернете, право на участие в общественных делах онлайн, защита прав потребителя в сети Интернет, право на медицинские и социальные услуги в Интернете, право на правовое и справедливое судебное разбирательство в отношении действий, связанных с Интернетом, право на соответствующий социальный и международный порядок для Интернета.

Анализ приведенного перечня показывает, что основным содержанием указанных прав является реализация традиционных прав человека в Интернете. Этот подход закреплен и в международных актах, в частности в резолюциях Совета ООН по правам человека. В Рекомендации Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о свободе Интернета 2016 г. Rec (2016) 5 указано, что все права человека действуют как offline, так и online, и на государства возлагаются негативные и позитивные обязательства уважать, защищать и продвигать права человека и основные свободы в Интернете.

Несмотря на широкую поддержку развития указанных прав на международном уровне, необходимо указать, что единого признанного акта пока не принято, все резолюции носят рекомендательный характер. Прямое закрепление на национальном конституционном уровне указанного права почти отсутствует³⁹, исключением является ч. 6 ст. 35

³⁹ Представляется, что указание в литературе ч. 2 ст. 5А Конституции Греции как нормы, гарантирующей право на доступ в Интернет, является слишком широким толкованием ее содержания (см., например: Та-

Конституции Португальской Республики, в которой установлено, что каждому гарантируется свободный доступ к компьютерным сетям общего пользования⁴⁰, в этой же статье закреплены права, связанные с защитой электронных персональных данных. Право на доступ к Интернету остается дискуссионным вопросом теории прав человека. Исследователи отмечают, что доступ к Интернету не может рассматриваться как универсальное естественное право, принадлежащее всем людям в силу их природы. Инструментально-технологическое понимание Интернета является основным препятствием к признанию доступа к нему самостоятельным правом человека⁴¹. Это может означать, что пока не очень ясны контуры нового права человека и достаточно традиционных конституционно-правовых средств для защиты прав человека в сфере использования новейших информационных технологий.

Аналогичные процессы признания новых прав человека можно наблюдать и в сфере геномики и биотехнологий. На международном уровне в указанной области был

лапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху. С. 130). В указанной норме устанавливается право каждого быть членом информационного общества и обязанность государства содействовать в доступе к информации в электронной форме, а равно к ее производству, обмену и распространению. В этом вопросе следует согласиться с мнением Н. В. Варламовой, подробно разобравшей и другие примеры (см.: Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 31—32).

⁴⁰ URL: https://web.archive.org/web/20141025184809/http://app.parlamento.pt/site_antigo/ingles/cons_leg/Constitution_VII_revisao_definitive.pdf (дата обращения: 11.02.2020).

⁴¹ См.: Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека. С. 34.

принят ряд документов⁴², которые содержат перечень прав человека в указанной области. Среди основных прав можно указать на равенство в доступности профессиональной медицинской помощи; равенство на использование достижений в области геномики; свободу согласия на медицинское вмешательство; свободу согласия на геномные исследования или лечение; свободу выбора получения информации о своем здоровье; свободу выбора на получение генетической информации; право на конфиденциальность информации о здоровье; право на конфиденциальность генетической информации; запрет генетической дискриминации или ущемления прав в связи с генетическими характеристиками человека (генетическое равенство); право на прогностическое генетическое тестирование; право на вмешательство в геном человека исключительно в лечебных целях; запрет на выбор пола ребенка (ограничение репродуктивных прав); право на уникальность человеческой личности (идентичность человека); запрет коммерческой выгоды при использовании своего тела или его частей; право на возмещение неоправданного ущерба, вызванного геномными исследованиями.

Из приведенного перечня можно сделать вывод, что содержание перечисленных прав человека, которые должны регулировать новую сферу деятельности, онтологически связано с фундаментальными основами прав человека — свободой и равенством. Это означает, что защищаемые новыми правами интересы личности являются конкрет-

ными проявлениями, органической частью уже сложившихся базовых ценностей. В частности, право на конфиденциальность генетической информации является частью права на конфиденциальность информации о здоровье человека, генетическое вмешательство является одним из видов медицинского вмешательства и может защищаться как право на свободу медицинского вмешательства; свободу получения генетической информации можно рассматривать как часть свободы получения информации о здоровье и т. д. Часть сформулированных прав вытекает из прав человека, которые уже закреплены в Конституции РФ. Например, конфиденциальность генетической информации является выражением права на частную жизнь человека и одним из правомочий указанного права, свобода выбора получения генетической информации также может рассматриваться как часть информационных прав человека. Поэтому специальное закрепление на национальном конституционном уровне таких прав пока не имеет широкого распространения.

Из наиболее характерных примеров можно указать на Конституцию Швейцарии. Помимо общих положений о праве на жизнь, защите от пыток, праве на защиту частной жизни и информационных прав, праве на здоровье, в ст. 119, 120 и 121 Союзной конституции Швейцарской Конфедерации закреплены права в сфере репродуктивной медицины, генной инженерии человека и трансплантологии. Право на защиту своей генетической идентичности закреплено в новой редакции ч. 5 ст. 5 Конституции Греции⁴³. В части 3 ст. 26 Конституции Португальской Республики указано, что закон гарантирует личное достоинство и генетическую

⁴² Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины; Всеобщая декларация о геноме человека и о правах человека; Международная декларация ООН о генетических данных человека 2003 г.; Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 г.; Декларация ООН о клонировании человека 2005 г. и др.

⁴³ The Constitution of Greece. URL: <http://https://www.hellenicparliament.gr/en/Vouli-ton-Ellinon/To-Politevma/Syntagma/> (дата обращения: 11.02.2020)

идентичность человеческой личности, в частности, при создании, разработке и использовании технологий и в научных экспериментах⁴⁴.

В то же время практика использования действующих средств защиты прав человека в сфере генетических исследований, особенности генетической информации (может принадлежать не только индивиду, но и сообществу, не ограничивается только медицинской тематикой⁴⁵), возможное появление новых объектов защиты (человеческий зародыш) поднимают вопросы о формулировании специальных прав, являющихся составной частью системы конституционных прав человека в Российской Федерации. Кроме того, не все вышеперечисленные права человека, которые вытекают из положений международных правовых актов, регулирующих геномные исследования, сформулированы в перечне действующих прав человека в Российской Федерации. Перечисленные условия способствуют процессу формирования новых прав человека в Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод, что геномные права человека с учетом развития практики их широкого применения начинают закрепляться на конституционном

уровне. Однако в настоящее время их регулирование происходит преимущественно на законодательном уровне и с помощью судебной практики, т. е. данные права развиваются в рамках традиционных прав человека.

Еще одним подходом к развитию новых прав человека в области регулирования общественных отношений при использовании новых технологий в рамках трансформации уже существующего каталога прав человека может стать формулирование и развитие более широкого права. В зарубежной литературе⁴⁶ обращается внимание на перспективность использования для этих целей права человека на участие в научном прогрессе. Например, Дж. Коччоли рассуждает о нем как о «заново открытом» (rediscovering) праве. Оно закреплено в п. 1 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.: «Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами». В соответствии со ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. это право является юридически признанным и обязательным, в том числе для Российской Федерации, которая подписала Пакт и обязана имплементировать его положения в свое национальное законодательство. Существенными достоинствами указанной формы является широкое содержание права на доступ к новым технологиям (не только права на доступ к сети Интернет) и закрепление указанного права на международном уровне. Для более эффективного использования указанного права необходимо уточнить его содержание. Венецианское заявление ЮНЕСКО, сделанное в 2009 г., ознаменовало начало работы

⁴⁴ URL: https://web.archive.org/web/20141025184809/http://app.parlamento.pt/site_antigo/ingles/cons_leg/Constitution_VII_revisao_definitive.pdf (дата обращения: 11.02.2020)

⁴⁵ Иллюстрацию объективности такой характеристики подтверждает пример, приведенный Е. Е. Богдановой, которая упоминает о недавнем аресте в США подозреваемого в серийных убийствах бывшего полицейского Д. Д. ДеАнджело. Его нашли спустя 30 лет благодаря ДНК, сданной его родственником из любопытства. Преступник в период с 1974 по 1986 г. убил как минимум 12 человек, но не был пойман (см.: Богданова Е. Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // Lex Russica. 2019. № 6. С. 20).

⁴⁶ См.: Coccoli J. Op. cit. P. 238; Кноп-перс Б. М. Генетика, геномика и права человека // Судья. 2017. № 12. С. 31.

над формированием контуров этого права⁴⁷. В 2012 г. относительно содержания этого права специальный докладчик по правам человека отметил, что оно подразумевает: право любого лица на доступ к благам науки без какой-либо дискриминации; возможность каждого вносить свой вклад в науку и содействовать свободе, необходимой для научных исследований; участие отдельных лиц и различных объединений в процессе принятия решений; а также благо-

приятную среду, способствующую сохранению, развитию и распространению науки и техники⁴⁸.

Исследование вопроса о формах развития системы прав человека позволяет сделать вывод, что использование современных технологий непосредственным образом влияет на права человека. Действующая система прав проявляет себя как гибкая и адаптивная. Она обладает значительным потенциалом для дальнейшего обеспечения основной функции — защиты достоинства и прав личности в новых условиях — без существенного расширения перечня прав человека. Одновременно значительный рост сфер деятельности с использованием новых технологий создает условия для формирования новых прав человека, которые постепенно формируются и развиваются.

⁴⁷ Так, в Венецианском заявлении ЮНЕСКО о праве пользоваться плодами научного прогресса указано, что для формирования данного права необходимы следующие меры: создание правовой и политической основы, содействующей сохранению, развитию и распространению науки и техники; поощрение доступа к благам научного прогресса и его применения, в том числе передача технологий и создание соответствующего потенциала, а также защита от злоупотреблений и неблагоприятного воздействия науки и ее применения.

⁴⁸ См.: UN General Assembly. HRC/20/26 (2012) Report of the Special Rapporteur in the field of cultural rights, Farida Shaheed. URL: <http://www.ohchr.org/>.

Библиографический список

- Alexy R. A. Theory of Constitutional Rights. Oxford, 2002.
- Alston Ph. A Third Generation of Solidarity Rights: Progressive Development or Obfuscation of International Human Rights Law? // Netherlands International Law Review. 1982. Vol. 29.
- Alston Ph. Conjuring Up New Human Rights: A Proposal For Quality Control // American Journal of International Law. 1984. Vol. 78. Iss. 3.
- Coccoli J. The Challenges of new technologies in the implementation of human rights: An analysis of some critical issues in the digital era, peace human rights governance // Peace human rights governance (PHRG). Venice, 2017. Vol. 1. No. 2.
- Dupras C., Song L., Saulnier K. M., Joly Y. Epigenetic Discrimination: Emerging Applications of Epigenetics Pointing to the Limitations of Policies Against Genetic Discrimination. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fgene.2018.00202/full> (дата обращения: 31.01.2020).
- Joly Y., Dupras C., Ngueng Feze I., Song L. Genetic discrimination in Québec. Centre of Genomics and Policy (CGP). Montreal, 2017. URL: genomequebec.com/DATA/PUBLICATION/32_en-v-Genetic_Discrimination_in_Quebec_-_Policy_Brie (дата обращения: 10.06.2019).
- Kshitij Kumar Singh. Human Genome and Human Rights: An Overview // Journal of Indian Law Institute (JILI). Vol. 50. No. 1 (Jan-Mar). 2008.
- Sartor G. Human Rights and Information Technologies // The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology / ed. by R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. New York, 2017.
- Биомедицинское право в России и за рубежом: монография / Г. Б. Романовский, Н. Н. Тарусина, А. А. Мохов и др. М., 2015. (Введение).
- Богданова Е. Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // Lex Russica. 2019. № 6.
- Богданова Н. А. Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 1.

Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11.

Варламова Н. В. Принципиальное единство права и прав человека // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 4.

Варламова Н. В. Третье поколение прав человека? // Российский юридический журнал. 2011. № 2.

Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 5.

Войсунский А. Е., Дорохова О. А. Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы. URL: https://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1418382653&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 10.02.2020).

Довгань Е. Ф. Права человека в эпоху информационных технологий // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2018. № 5.

Енилеева А. Э. Деление норм права на правила и принципы в учении Р. Алекси // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1.

Зиновьева Н. А., Волкова Н. А., Багиров В. А., Брем Г. Трансгенные сельскохозяйственные животные: современное состояние исследований и перспективы // Экологическая генетика. 2015. Т. XIII. № 2.

Кнопперс Б. М. Генетика, геномика и права человека // Судья. 2017. № 12.

Колоскова Е. М., Каркищенко В. Н., Езерский В. А. и др. Трансгенные и нокаутные кролики в биомедицине и генотерапии. CRISPR/Cas9-технологии // Биомедицина. 2019. № 4.

Лебедев В. А. Конституционные права и свободы человека и гражданина в современной России: концепция, ограничения, механизм охраны и защиты: монография. М., 2016.

Малый Д. А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации: вопросы теории и практики. СПб., 2003.

Мелкевик Б. Говорите на языке «нового нарратива о праве», или О том, как политкорректность «юридически» узаконивает себя // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 1.

Мохов А. А., Чапленко А. А., Яворский А. Н. Использование технологий геномного редактирования: достижения и перспективы // Биомедицина. 2019. № 15 (2).

Нерсисянц В. С. Философия права. М., 2004.

Талапина Э. В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. 2019. № 2.

Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2.

Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3.

Умнова (Конюхова) И. А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия: монография. М., 2016.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017.

The System of Human Rights and Freedoms in the Context of the Technological Revolution

E. E. Nikitina, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117128, Russian Federation

E-mail: const@izak.ru

DOI: 10.12737/jrl.2020.092

The article is devoted to the problems associated with the development of the human rights system in the Russian Federation during the period of widespread use of new technologies. This (in addition to a positive impact, such as implying an increase in productivity, strengthening the economy, improving the level and quality of human life) poses significant threats to the human person, his dignity and rights.

The author explores the possible forms of transformation of the human rights system in order to solve regulatory issues in those areas of human activity, which are most strongly influenced by modern technologies. The development of the modern system of human rights has been manifested in several forms: supplementation of the list of human rights with a new human right, expanding the content of a particular human right, and increasing the legal and material guarantees of its exercise.

Human rights have a significant potential for transforming its content and scope of new social relations, since they have a broad formulation. Moreover, taking into account the peculiarities of the legal structure of human rights, they are not only subjective rights themselves, but also serve as provisions and principles. Therefore they can regulate new spheres of human activity.

The author concludes that it is groundlessness to assume a new age of rights of a new generation, including various somatic, genetic, information, digital, virtual, and other rights. At the same time, it is clear that some of these rights have already been being forming and gathering momentum for their international recognition and incorporation into national legislation. At the present time, the content of human rights, which should operate in new areas of human activity, is ontologically related to the fundamental foundations of human rights — freedom and equality. This means that the interests of an individual protected by the new rights' guarantees have concrete manifestations and an organic part of the already established basic values.

Keywords: system of human rights, generations of human rights, information rights, genomics, biotechnologies, genetic rights.

For citation: Nikitina E. E. The System of Human Rights and Freedoms in the Context of the Technological Revolution. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 8, pp. 27—44. DOI: 10.12737/jrl.2020.092 (In Russ.)

References

- Alexy R. A. *Theory of Constitutional Rights*. Oxford, 2002.
- Alston Ph. A Third Generation of Solidarity Rights: Progressive Development or Obfuscation of International Human Rights Law? *Netherlands International Law Review*, 1982, vol. 29.
- Alston Ph. Conjuring Up New Human Rights: A Proposal For Quality Control. *American Journal of International Law*, 1984, vol. 78, iss. 3.
- Bogdanova E. E. Pravovye problemy i riski geneticheskoy revolyutsii: geneticheskaya informatsiya i diskriminatsiya. *Lex Russica*, 2019, no. 6.
- Bogdanova N. A. Sovremennyy katalog osnovnykh prav cheloveka: mezhdunarodnyy i natsional'nyy puti napolneniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Seriya 11. Pravo, 2010, no. 1.
- Bondar' N. S. Information and Digital Space in the Constitutional Dimension: From the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 25—42. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2 (In Russ.)
- Coccoli J. The Challenges of new technologies in the implementation of human rights: An analysis of some critical issues in the digital era, peace human rights governance. *Peace human rights governance (PHRG)*. Venice, 2017, vol. 1, no. 2.
- Dovgan' E. F. Prava cheloveka v epokhu informatsionnykh tekhnologiy. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, 2018, no. 5.
- Dupras C., Song L., Saulnier K. M., Joly Y. Epigenetic Discrimination: Emerging Applications of Epigenetics Pointing to the Limitations of Policies Against Genetic Discrimination. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fgene.2018.00202/full> (accessed 31.01.2020).
- Enileeva A. E. Delenie norm prava na pravila i printsipy v uchenii R. Aleksi. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2015, no. 1.
- Joly Y., Dupras C., Ngueng Feze I., Song L. Genetic discrimination in Québec. *Sentre of Genomics and Policy (CGP)*. Montreal, 2017. Available at: genomequebec.com/DATA/PUBLICATION/32_en-v-Genetic_Discrimination_in_Quebec_-_Policy_Brie (accessed 10.06.2019).
- Knoppers B. M. Genetika, genomika i prava cheloveka. *Sud'ya*, 2017, no. 12, pp. 26—31.
- Koloskova E. M., Karkishchenko V. N., Ezerskiy V. A. et al. Transgennyye i nokautnyye kroliki v biomeditsine i genoterapii. *CRISPR/Cas9-tekhnologii. Biomeditsina*, 2019, no. 4.

Kshitij Kumar Singh. Human Genome and Human Rights: An Overview. *Journal of Indian Law Institute (JILI)*, 2008, vol. 50, no. 1 (Jan–Mar).

Lebedev V. A. Konstitutsionnye prava i svobody cheloveka i grazhdanina v sovremennoy Rossii: kontseptsiya, ogranicheniya, mekhanizm okhrany i zashchity. Moscow, 2016.

Malyy D. A. Konstitutsionnoe pravo na ob"edinenie v Rossiyskoy Federatsii: voprosy teorii i praktiki. St. Petersburg, 2003.

Melkevik B. Govorite na yazyke “novogo narrativa o prave”, ili O tom, kak politkorrektnost' “yuridicheskii” uzakonivaet sebya. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 2012, no. 1.

Mokhov A. A., Chaplenko A. A., Yavorskiy A. N. Ispol'zovanie tekhnologiy genomnogo redaktirovaniya: dostizheniya i perspektivy. *Biomeditsina*, 2019, no. 15 (2).

Nersesyants V. S. Filosofiya prava. Moscow, 2004.

Romanovskiy G. B., Tarusina N. N., Mokhov A. A. et al. Biomeditsinskoe pravo v Rossii i za rubezhom: monografiya. Moscow, 2015.

Sartor G. Human Rights and Information Technologies. *The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology*. Ed. by R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. New York, 2017.

Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. Moscow, 2017. 302 p.

Talapina E. V. Evolyutsiya prav cheloveka v tsifrovuyu epokhu. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 2019, vol. 14, no. 3.

Talapina E. V. Human Rights on the Internet. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 2, pp. 41–54. DOI: 10.12737/art_2019_2_4 (In Russ.)

Talapina E. V. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 2, pp. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1 (In Russ.)

Umnova (Konyukhova) I. A. Konstitutsionnoe pravo i mezhdunarodnoe publichnoe pravo: teoriya i praktika vzaimodeystviya. Moscow, 2016.

Varlamova N. V. Printsipial'noe edinstvo prava i prav cheloveka. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 2018, vol. 13, no. 4.

Varlamova N. V. Tret'e pokolenie prav cheloveka? *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2011, no. 2.

Varlamova N. V. Tsifrovye prava — novoe pokolenie prav cheloveka? *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 2019, vol. 14, no. 4.

Voyskunskiy A. E., Dorokhova O. A. Stanovlenie kiberetiki: istoricheskie osnovaniya i sovremennye problemy. Available at: https://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1418382653&archive=&start_from=&ucat=& (accessed 10.02.2020).

Zinov'eva N. A., Volkova N. A., Bagirov V. A., Brem G. Transgennyye sel'skokhozyaystvennyye zhivotnyye: sovremennoe sostoyanie issledovaniy i perspektivy. *Ekologicheskaya genetika*, 2015, vol. XIII, no. 2.